

An illustration of a young woman with long, dark hair styled in a braid. She is wearing a white blouse with a ruffled collar and puffed sleeves, and a red skirt with intricate floral embroidery. She is holding a piece of red fabric in her hands. The background is a solid teal color.

ЕКАТЕРИНА ШИТОВА

ОБЩИНА

18+

Екатерина Шитова
Община

«Автор»

2022

Шитова Е.

Община / Е. Шитова — «Автор», 2022

В языческую общину, расположенную в густых сибирских лесах и скрытую от цивилизации, я попала случайно. Мой отец умер десять лет назад, но его письмо я нашла лишь недавно, когда собралась выбросить из антресоли его старые вещи. В письме была история моего рождения, которая отличалась от той, которую я знала...

© Шитова Е., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Часть I. Правда.	5
Часть II. Жена старейшины.	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Екатерина Шитова

Община

Часть I. Правда.

В языческую общину, расположенную в густых сибирских лесах и скрытую от цивилизации, я попала случайно.

Мой отец умер десять лет назад, но его письмо я нашла лишь недавно, когда собралась выбросить из антресоли его старые вещи.

Бывают ли в нашей жизни случайности? Кто-то утверждает, что нет, и что то или иное событие происходит в жизни именно тогда, когда должно произойти.

Так или иначе, тетрадь в потертой кожаной обложке не привлекла бы моего внимания, если бы из нее не выпало письмо с моим именем на конверте. В письме была история моего рождения, которая отличалась от той, которую я знала.

По словам отца, моя мать, с которой мы никогда не были особенно близки, но которая меня вырастила и воспитала, не приходилась мне родной.

Письмо в некоторых местах было настолько непонятным и сбивчивым, что мне пришлось перечитать его несколько раз, чтобы понять суть.

Отец писал, что я должна найти свою тетку, родную сестру своей настоящей матери и узнать тайну своего рождения.

"Ты родилась в очень странном и необычном месте. И, возможно, именно там ты, наконец, поймешь свое истинное предназначение, доченька. Твоя родная мама хотела, чтобы ты непременно вернулась туда..."

"Поймешь свое истинное предназначение". Эта фраза, написанная отцом десять лет назад, была так актуальна сейчас, что я не сдержалась, заплакала от переизбытка чувств, уткнувшись лицом в старый диван.

Дело в том, что меня постоянно, с самого детства, мучает ощущение неизвестности. Я не знаю, кто я, зачем живу, куда иду и чего хочу от жизни. Мне как будто нет места в мире, повсюду я лишняя.

Перед тем, как найти отцовское письмо, я несколько недель пребывала в состоянии сильной депрессии. Вся моя жизнь рушилась, а строить новую не было сил. Я понимала, что, если я что-то не поменяю в самое ближайшее время, я просто-напросто потеряюсь навсегда...

Поэтому я без долгих раздумий аккуратно вырезала из письма координаты поселения, откуда была родом моя мать, собрала вещи в рюкзак, достала из шкафа самую теплую куртку и отправилась на поиски своей родной тети со странным именем Всемира, надеясь найти в сибирских лесах и саму себя.

... Я сидела на лавке в маленькой деревянной избе и дышала на замерзшие руки. Мужчина с густой бородой, покрытой инеем, довёз меня из ближайшей деревушки Агеево в Общину на санях и высадил посреди леса, опасаясь ехать дальше.

– Нельзя нам туда, дальше сама топай, немного уже осталось, – сказал он, развернул сани и поехал обратно в деревню.

Мне повезло, по пути к Общине я встретила молодого парня, который усадил меня на своего коня и довёз до поселения, а потом указал на дом, где живет Пророчица Всемира. Я поблагодарила его, а он в ответ широко улыбнулся и, вскочив на коня, сказал:

– Меня зовут Добромир! Если понадобится помощь, обращайся!

Я улыбнулась в ответ, кивнула, а потом поднялась на крыльцо и постучала в дом. Повидимому, тети не было дома. Дверь мне открыла молодая девушка в длинном сарафане.

Меня переполняло волнение, а от привычной жизни отделяли сотни километров. Попав в Общину, я словно перенеслась в сказочный мир, окруженный со всех сторон непроходимыми лесами.

Молодая девушка в сарафане, запустившая меня в дом, не разговаривала со мной. Она что-то готовила на очаге, то и дело помешивая кипящую жидкость.

– Ты меня даже не спросила, кто я... – начала было я, но она перебила меня.

– Молчи. Нельзя говорить, когда еда на плите. Духи дома могут разгневаются, и пища будет пересолена или несъедобна.

Я решила, что она не в себе. Через некоторое время, вытерев руки о фартук, девушка подошла ко мне и прошептала, наклонившись к моему уху:

– Посиди покамест. Тетушка давно поджидала гостью. Наверное, это ты и есть. Вот вернется она, тогда и расскажешь, кто ты, и зачем пожаловала. А пока молчи.

Я взглянула на нее: при свете пылающего очага она казалась миловидной, хоть и не была красавицей. У нее были тонкие, изящные пальцы, и от нее приятно пахло душистыми травами. Светлые волосы девушки были заплетены в тугую косу.

Когда я уже устала ждать и не знала, чем себя занять, внезапно скрипнула дверь, и на пороге появилась высокая, статная женщина в темном платке. Она пристально посмотрела на меня, и ее суровый взгляд потеплел, а губы дрогнули в едва уловимой улыбке, которую она сразу же попыталась скрыть, отвернувшись к порогу. Я поздоровалась с ней, и женщина приветственно кивнула мне.

Сняв полушубок и платок, она прошла на кухню. На ней была серая юбка и кофта с золочеными пуговицами. Меня, пожалуй, больше всего поразила одежда местных жителей. Я не ожидала здесь увидеть изысков моды, но чтобы старинные рубахи и сарафаны... Эта одежда для меня, привыкшей к джинсам и свитерам, была похожа на театральные костюмы.

Волосы высокой женщины тоже были заплетены в косу, а коса – аккуратно уложена вокруг головы. Несмотря на пробивающуюся седину, женщина была очень красива. Неужели это и есть моя тетя?

Я встала со своего места и хотела заговорить, но женщина сама подошла ко мне и крепко обняла:

– Вот Община и дождалась твоего возвращения! Много чего держало тебя и сбивало с пути, но теперь ты там, где и должна быть.

– Вы Всемира? – робко спросила я, завороженная звуком ее приятного голоса.

Женщина кивнула, улыбнувшись мне и, сняв с огня котелок, поставила его на деревянный буфет. Порезав хлеб толстыми ломтями, она разлила похлебку в три деревянные чашки. Со светловолосой девушкой они присели за стол и одновременно посмотрели на меня.

– Я приехала к вам, чтобы узнать о своей матери... – начала было я, но мне снова не дали договорить.

– Не убежать от того, что неизбежно, да и не время сейчас для разговоров. Иди поешь.

Перед едой женщина прочитала что-то вроде молитвы, я не разобрала слов, так как она говорила еле слышно. Похлебка оказалась очень вкусным и ароматным овощным супом. Я с удовольствием поела и окончательно согрелась.

Потом светловолосая девушка налила мне большую кружку травяного чая. То ли чай так расслабляюще на меня подействовал, то ли огонь от очага был слишком жарок, но я задремала с тем ощущением, что я, действительно, попала в сказку.

Я проснулась от того, что тетя села рядом со мной на лавку, поправила руками мои волосы, провела кончиками пальцев по моим щекам, словно хотела увидеть в моих чертах свою погибшую давным-давно сестру.

– Я долго ждала этой минуты, дитя мое. Мне многое тебе нужно рассказать. Готова ли ты слушать? – спросила она, внимательно заглянув мне в глаза.

Я кивнула в ответ. Девушка со светлой косой пряла напротив нас с Всемирой. Она делала вид, что не слышит нашего разговора, а, может, и вправду думала о чем-то своем. Я смотрела на ее ровный пробор, на тонкие пальцы, из-под которых тонкой струйкой вилась ровная шерстяная нить, и слушала тетин рассказ...

“Мы жили в Общине с отцом. В тяжелых муках я появилась на свет, забрав жизнь у своей матери. Мне не довелось узнать ее.

Маму мне заменила старшая сестра. Наши имена были схожи, но звучание их ткало совершенно разные нити судеб: Всемила и Всемира.

Сестра была прекрасна, как утреннее солнце. Высокая, тонкая, гибкая, как ивовый побег, но при этом очень сильная. В наших краях рождаются сильные люди: и телом, и духом.

Сила Всемилы была особенной. Духи избрали ее Пророчицей, сам лес шептал ей тайные знания. А Всемила, в свою очередь, учила этим знаниям меня. Сестра передала мне все то, что знала сама – древний, тайный язык природы-матери, который мы называем языком духов. Я сильна, но я не ведаю и половины того, чем ведала она. Лишь избранные рождаются истинными пророчицами.

У Всемилы была сильная связь с природой. Я не раз видела, как она что-то шептала птицам, а те приносили ей в клювах травы и цветы. Она поднимала взглядом пыль в воздух, могла согнать с неба тучи, навлечь ненастье, просила деревья указать ей правильный путь, разговаривала с травами и лечила раненых животных.

Я считала это колдовством, но она говорила, что тот, кто открывает матери-природе свое сердце, доверяется ей полностью, – получает в ответ ее древние, сокровенные тайны.

Всемила заменила мне мать, заботилась обо мне, воспитывала, оберегала. Я хотела быть похожей на нее, с детства перенимала ее поведение. Она была загадочна, порой молчалива. Но при этом жизненные силы били из нее ключом.

Сестра никогда не сидела на месте, все время была занята разными делами. Любила что-то делать на земле: сажать, копать, полоть сорняки. У нас всегда был самый ухоженный огород.

Всемила часто повторяла мне, что наша родная мать умерла, но есть еще другая мать, которая никогда не умрет и не оставит нас – это мать-природа. Мать-природа всегда защитит, если ее попросить об этом.

Всемила излучала свет, была наполнена им до краев. Но я видела и другую сторону ее души: печальную, задумчивую. Я спрашивала, что она скрывает, о чем думает в подобные минуты. Но она не делилась со мной, а только целовала в макушку, когда я садилась рядом с ней, нарушая ее одиночество.

Она была строга в воспитании, но любила меня больше, чем кто-либо. Светлая, добрая душа! Она помогала людям, лечила скот, старалась быть полезной в Общине. За это ее любили, уважали и немного побаивались: знали, что она ведает тайными знаниями предков.

Не сыскать было в округе девушки краше нашей Всемилы. Рыжие волосы ее были небрежно раскиданы по плечам, словно языки пламени праздничного костра. Она никогда не заплетала их в косу. Незамужним девушкам это позволяется.

Глаза Всемилы горели зелеными огнями, руки, словно ветви, тянулись к солнцу на рассвете, когда она молила Зарю подарить ей вечную молодость и красоту.

Все молодые парни в Общине были влюблены во Всемилу, но у них не было ни единого шанса завоевать ее сердце, потому что у нее уже был жених – сын старейшины Мирослав.

Всемила и Мирослав были красивой парой, любили друг друга. По крайней мере, мне так казалось. Любовь, предначертанная духами, неоспорима и сильна. Так было всегда. Не могут не любить друг друга такие красивые люди – так мне казалось.

Но как наивны были мои домыслы! Жизнь не бывает спокойной всегда, как лето не бывает всегда солнечным... И вот однажды в Общине появился чужак – вихрастый рыжий парень Григорий.

Григория привела из леса сама Всемила, точнее притащила на себе. Отец потом часто говорил, что Всемила на своих плечах принесла себе погибель. А люди в Общине до сих пор считают, что это был Змей в человеческом облике.

Григорий жил в то лето в деревеньке Агеево, что недалеко от нашей общины. Он называл себя художником и рассказывал, что в здешних местах проводит какие-то учебные работы, ищет вдохновения и рисует местную природу. Однажды он ушел далеко от деревни и заблудился.

Много дней бродил Григорий кругами по нашим лесам без еды и не мог найти путь. Есть в лесах такие проклятые круги, из которых обычный человек выйти не сможет, как ни пытайся.

Как и выжил городской парень в лесу – не понятно. Но что-то уберегло его и от дикого зверя, и от жадности темных лесных духов. С некоторыми людей такое бывает – они словно отпугивают от себя беды.

Всемила нашла его, когда ходила на дальние луга через Северный лес за целебными травами. Наткнулась на него, лежащего без сознания, испугалась, но потом подошла, наклонилась к лицу, проверила дыхание.

И пожалела его, умирающего, волокла на себе огромное расстояние по лесу до Общины. Мы не пускаем чужаков, но не имеем права прогнать того, кто нуждается в помощи. Община не любит чужаков, потому что они все время приносят с собой беду...

Долго Всемила выхаживала Григория, но постепенно он оживал в маленькой избушке бабки-знахарки Жданы. Изба знахарки стояла на отшибе у леса, Всемила приходила к больному каждый день, первое время кормила из своих рук, давая ему отхлебывать из глиняной чашки наваристый бульон.

Она полюбила его, я сразу же это почувствовала. Что-то в ней неуловимо изменилось: она стала еще красивее, словно сама Луна наполнила ее серебристой, сияющей красотой. Я бегала за сестрой, словно хвостик и замечала, как меняется ее лицо, когда она находится рядом с чужаком. Никогда она с такой нежностью не смотрела на своего жениха Мирослава.

Григорий ей много чего удивительного рассказывал: про городскую жизнь, про людей, отличных от нас, про их обычаи, одежду, про машины, управляющие жизнью.

Мы тоже были обучены грамоте и письму, но Григорий был гораздо умнее нас, он учился в университете. Само это слово звучит очень умно.

Григорий часто говорил с задумчивым видом о том, что нигде не видел такой красивой природы, как в наших местах, рассказывал, что объехал большую территорию сибирских лесов. А еще с горящими глазами читал Всемиле складные строчки о любви, которые он называл стихами.

Всемила слушала стихи, приоткрыв рот, жадно впитывая в себя какие-то истины, открывающиеся ей одной. Свечи придавали ее непослушной шевелюре золотое сияние, а глаза горели огненной страстью. Чувства росли и вскоре заполнили весь ее разум.

Григорий расспрашивал Всемилу о наших духах и богах, не боялся высмеивать язычество, как религию. Он говорил ей о том, что она не видит истинный мир, ограничивая себя этим лесом, рассказывал ей про далекие страны и огромные города, про ту жизнь, которую проживает он и огромное количество других людей.

Меня эти разговоры только пугали, а Всемила задавала Григорию множество вопросов. Он улыбался мягкой улыбкой, брал ее за руку, рассказывал, как красками можно описать на листе бумаги состояние своей души. Страдания, боль, страсть, страх, любовь – все эти чувства можно нарисовать, смешав краски и взмахнув кистью.

Григорий, казалось, окружал Всемилу со всех сторон, опутывал ее словами, словно тонким кружевом. Она сияла от счастья, а у меня в душе росло и крепло нехорошее предчувствие беды. Нельзя идти против природы, против духов, нельзя идти против своей судьбы. Это всегда заканчивается бедой.

Бабка Ждана тоже чувствовала неладное, и говорила мне шепотом, оглядываясь на Григория:

– Змей суший. Не веришь? А я вот тебе скажу так: каждую ночь его на лавке нет, как нет. А в окно выглянешь – он в небе ночном летает. Изгонять его надо, погубит он нашу Всемилу!

Как ни допытывался у меня Мирослав о том, почему Всемила не смотрит на него при встрече, как раньше, не улыбается, не приветствует, я ничего не рассказывала ему об истинных причинах перемены в поведении сестры.

Не могла же я признаться, что Всемила подарила свою любовь чужаку. Я даже подумать об этом не смела – боялась гнева духов и отца.

Всемила и Григорий стали близки в ночь, когда луна была круглая, словно полная до краев жёлтой горечи. Отца и других мужчин в Общине не было, они были на охоте.

Я следила за Всемилой и Григорием, видела их на берегу озера, слившихся в одно единое существо. Испугавшись гнева духов, я убежала домой, но так и не смогла уснуть до самого утра, предчувствуя близкую беду...

Когда отец вернулся, он приказал немедленно отправить Григория обратно в Агеево. Всемила загрустила, перестала есть, стала бледной и тоненькой, как тростинка. Бабка Ждана шептала мне на ухо:

– Сохнет по Змею. Приворожил он ее. Долго не проживет!

Часто, проснувшись среди ночи, я видела, как сестра смотрит в маленькое оконце около кровати и что-то шепчет. Женщине полезно поговорить с Луной, выплакаться ей. Луна выслушает, мудро промолчит в ответ. Она такая же печальная, как женская душа. Женщины любят поплакать, а Луна в этом деле – лучшая помощница. Всемила плакала, а утром скрывала от отца свои покрасневшие глаза под низко надвинутым на голову платком.

Днем я часто находила ее на берегу озера, где они виделись в Григорием в последний раз. Они сидела на земле, под ветвями ивы. Казалось, обе плакали, роняя слезы в озеро...

– Сходи в Агеево, Всемира. Узнай, как там Григорий, не уехал ли... Я не могу уйти из Общины, а ты можешь, – просила меня сестра, но я только качала головой, боявшись отцовского гнева.

Но в конце концов, я не выдержала. Мне стало жаль сестру. В одно утро я сказала дома, что буду весь день помогать тетке-пастушке следить за стадом, а сама побежала в Агеево.

Да, их любовь была невозможна. Да, у этих сильных чувств не было будущего. Но я была ребенком, и я не знала, что мне делать с сестрой, страдающей и сохнувшей от сердечной тоски.

Григорий рисовал на крутом склоне холма, с которого открывался прекрасный вид на лес, поднимающийся к небу разноцветными рядами. У нас поистине прекрасная природа, дарующая жизнь и оберегающая от бед. Ее надо видеть, чувствовать, ей надо жить, в неё надо верить.

Григорий как будто видел и понимал ее силу, а еще он совсем не боялся духов, управляющих нашими лесами и всем миром. Для меня и Всемилы он был настоящим бунтарем, опровергающим истину нашей веры.

Когда Григорий увидел меня, лицо его сделалось печальным. Ветер трепал рыжие кудри. Я рассказала ему о Всемиле и замолчала, боясь поднять глаза, чувствуя, что сердце сейчас выскочит от волнения из моей груди.

Он стал бледен, серьезен, даже угрюм. Терял в руках светлую тряпицу, сидя на складном стульчике перед деревянной доской. Я исподлобья посмотрела на испачканную краской доску: на ней был прикреплен листок, а на листке была Всемила.

Я подняла голову и открыла рот, испугавшись. Никогда раньше я представить себе не могла, что можно вот так нарисовать человека, что он живым взглядом взглянет на тебя с листа бумаги. Я в изумлении провела пальцем по рисунку.

В тот момент я поняла, почему Всемила полюбила его. В нем была жизнь – чувственная, горячая, трепетная. У него была особенная сила, которая, как я потом узнала, называется

талантом. Тот, кто наделен талантом, может очаровывать им других людей. Талант – это тот же самый магический дар. Этим даром Григорий и покорила Всемилу.

– Я пытался попасть в Общину, несколько раз подходил очень близко, но собаки меня не пустили. Хоть бы один раз издали взглянуть на нее... Я очень скучаю по ней, Всемира.

Мы стояли друг напротив друга некоторое время. А потом он подошел ко мне, взял мои холодные руки в свои теплые ладони и взволнованно сказал:

– Передай ей, что если она захочет уехать со мной отсюда навсегда, послушаться своих родных, отречься от своих духов... Если она сама захочет покинуть свой лес, то я буду самым счастливым мужчиной на свете. Я возьму ее с собой. Так и передай ей. Я буду ждать Всемилу через два дня на рассвете на этом же самом месте.

– А ты... Ты не змей? – робко спросила я.

– Что? – переспросил он, а потом грустно рассмеялся и отвернулся к своей картине.

Все слова Григория я передала Всемиле. Она сидела, не шевелясь, а потом соскочила с лавки и затанцевала вокруг меня, улыбаясь от счастья. Оба дня она тайно собиралась в дорогу, складывая в небольшую котомку белье и платья.

Сестра была такая счастливая, что я тоже волей-неволей начинала улыбаться, глядя на нее. Но несмотря на это, я обе ночи не могла спать и перед моими глазами рисовались страшные картины того, что может случиться с сестрой и со всеми нами, когда обо всем узнает отец, и когда духи разгневаются.

И я не выдержала... Испугалась потерять ее навсегда. Я побежала перед рассветом к дому Мирослава и рассказала ему все. Побег Всемилы не удался. Она даже не успела пересечь ближайший перелесок.

Я снова стала всему свидетельницей: видела, как Мирослав схватил ее за талию, как сестра вырывалась, кусалась и царапалась. Поднялся сильный ветер, как будто сама природа защищала свою блудную дочь. Мирослав наотмашь ударил Всемилу по лицу своим огромным кулаком, видимо, чтобы успокоить ее. Или чтобы проучить?

Я вздрогнула, задрожала, как осиновый лист, видя, как сестра обмякла, осела в его руках. Я видела, как после он долго целовал ее лицо, шептал что-то на ухо, а потом посадил перед собой на лошадь и повез к дому. Мне было очень страшно, ведь я взяла и в один миг разрушила чужую жизнь.

Сначала я бросилась на землю и отчаянно зарыдала. Всемила возненавидит меня, когда узнает... Но это было не главное. Главным было то, что я сделала свою сестру несчастной.

Потом я подумала о Григории и со всех ног побежала в Агеево. Опустив заплаканные глаза в землю, словно рассматривая свой мокрый от росы сарафан и босые ноги, я прошептала ему, что Всемила не придет. Он тоже опустил голову, а потом отвернулся. Я думала, что он плачет, но он достал из-за пазухи свернутый листок бумаги и протянул мне. Глаза его были серьезными и сухими:

– Сохрани это. Там написан мой адрес.

– Зачем? — удивленно спросила я.

– Вдруг пригодится, все в жизни когда-нибудь пригождается, Всемира, – сказал он, отвернулся и пошел прочь быстрым шагом, держа в одной руке небольшой чемодан, а в другой – толстую папку со своими рисунками.

Днем к нам пришел отец Мирослава, и за обедом была назначена дата свадьбы. Всемила сидела за столом с каменным лицом. На все вопросы отца она отвечала сбивчиво и рассеянно.

– Захворала, наверное, – ласково сказал отец и погладил Всемилу по голове, – Иди, дочка, поспи, если нездоровится. И не бери на себя впредь много работы. Сестра уже большая, ее заставляй помогать. Невеста должна быть здоровой.

С того дня Всемилу начали готовить к будущей семейной жизни, собирать приданое. В этом ей помогала знахарка Ждана. Всемила была ко всему равнодушна, лишь иногда ходила

из угла в угол, словно сама не своя, ни с кем не разговаривала. На меня она совсем перестала обращать внимание, но однажды ночью, я не выдержала и сказала ей, сидящей у окна:

– Тебе некуда деваться. Скоро ты станешь женой Мирослава и забудешь о Григории. Не плачь, Всемила, дорогая сестра. Пожалуйста, не плачь.

Она повернулась ко мне, бледная, измученная, с лицом, залитым слезами.

– Откуда Мирослав все узнал? Это ты? Ты сказала ему?

– Я испугалась. Гнев духов все равно настиг бы тебя, – сказала я, не поднимая на нее глаз.

– Григорий говорил, что не существует никакого гнева духов, все это выдумки. Есть только люди, жизнь и любовь, – вздохнула Всемила.

– Ты знаешь, что это не правда. Потому что сама умеешь говорить с духами, – сказала я сквозь слезы, мне очень хотелось, чтобы все у нас стало так, как раньше, до появления Григория.

Всемила помолчала, а потом добавила, внимательно посмотрев на меня:

– Мирослав сказал, что убьет меня, если выяснится, что я не чиста... Я жду не свадьбы, Всемира, а своей смерти.

– Может быть, попросить о помощи Ждану? Она все умеет делать. Напоит его так, что он ничего и не заметит.

И тут сестра резко поднялась с лавки, вцепилась мне в плечи и прошептала с отчаянием в голосе:

– Как же ты не понимаешь, Всемира. Не будет так, как должно быть. Я понесла от Григория. До свадьбы еще далеко, а у меня уже скоро живот будет заметен...

От удивления и страха я не могла вымолвить ни слова. Всемила носит ребенка от чужака! Чем это может обернуться для нашей семьи – сложно представить. В лучшем случае отец прогонит нас обеих из Общины, и нам придется скитаться по лесам.

Я задрожала от страха. А сестра отвернулась. Глядя в темное окно, она произнесла, еле слышно:

– Я знаю, о чем ты сейчас думаешь, Всемира. Не волнуйся, я не допущу, чтобы ты пострадала из-за меня.

Все три месяца, которые оставались до свадьбы, Всемила учила меня обрядам и языку духов. Мы общались, как будто бы ничего и не произошло минувшим летом. Что самое удивительное – она словно и не злилась на меня вовсе за то, что я сделала.

Я молчала и старалась не думать о том, что знала. По-детски верила, что, если не говорить об этом, то все пройдет само собой, исчезнет.

Однажды я спросила ее:

– Зачем ты меня учишь, Всемила? Ведь Пророчицей Общины станешь ты.

– Чтобы ты могла заменить меня. В тебе столько же силы, сколько и во мне, сестра, а, может быть, и больше, – ответила Всемила, немного поколебавшись, и в мою душу снова закрались нехорошие предчувствия, и не зря...

Вскоре Всемила исчезла. Отправилась с утра в лес и не вернулась. Ее искали всей Общиной чуть ли не месяц. Но не нашли ни ее саму, ни ее следы. Она словно сквозь землю провалилась.

Я не представляла, куда она могла уйти. За Григорием? Может быть, он вернулся за ней? Нет, этого не может быть, я бы заметила. Она плакала до последнего дня.

Куда же она ушла? Леса у нас жестокие, непроходимые, а темные духи не терпят человеческого присутствия. Мне снились кошмары о том, что случилось с Всемилой в лесу, сцены ее мучительной смерти преследовали меня. Но утром я утешала себя тем, что лесные духи знают и любят Всемилу.

В Общине все переживали огромное горе. Отец был безутешен: он не только потерял свою любимую-красавицу дочь, он потерял наследницу, Пророчицу Общины и жену будущего Старейшины.

Всю надежду сейчас возлагали на меня, а я и двух слов не могла связать от горя, которое обрушилось на всех нас. Тайна, которую я хранила, не давала мне спокойно спать. Я не могла поверить, что Всемила загубила и себя, и нерожденного ребенка Григория.

Я часто доставала из тайника под кроватью бумажку с его адресом, мне хотелось написать ему письмо, но для этого нужно было снова бежать в Агеево, а за мной сейчас постоянно смотрели. Отец боялся, что духи уведут и меня. Да и на улице уже стояла зима. В наших краях она долгая, лютая.

Отец отправил меня на учение к бабке-знахарке Ждане. Я немного отвлеклась, учила все то, что она мне рассказывала, применяла знания на практике. Это немного отвлекало меня от горестных мыслей. Бабка Ждана удивлялась моим способностям, а вскоре торжественно объявила отцу, что способности мои возросли, и что я вполне могу стать Пророчицей Общины.

Я и сама чувствовала в руках силу, замечала, что иногда читаю чьи-то помыслы. Я постоянно мысленно звала Всемилу. И если бы она ответила мне хотя бы раз, я бы успокоилась, знала бы, что она мертва, что все закончилось. Но она молчала, это значило только одно – что дух ее не был свободен. Но где в таком случае была моя сестра?...

Мои предчувствия не обманули меня. Всемила была жива. Она пришла в Общину весной, когда в свои права вступал Ярило: тающий снег ручьями бежал по склонам, на дорогах была грязная каша, а в воздухе чувствовалось мягкое весеннее тепло.

Как-то на заре к нам в дом прибежала знахарка Ждана и зашептала отцу, выпучив глаза, что ночью к ней в избу постучалась покойница... Сама Всемила вернулась в Общину, да не одна, а с ребенком на руках.

– С нечистью в лесу жила, за версту это чую. И ребенка родила, наверное, от самого лучшего! Гони ее отсюда, пока Старейшина не узнал. Гони, беду она принесет.

Отец, бледный, как снег, накинул фуфайку и побежал к избе знахарки. Все окна в избе были задернуты плотными занавесками. Внутри царил мрак. Всемила сидела на краю лавки с ворохом тряпья в руках: бледная, худая, изможденная. Волосы ее были не рыжими, а грязно-серыми и спутанными.

Отец схватился за сердце при виде ее, и не мог вымолвить ни слова. А она, казалось, не узнавала ни его, ни меня. Или не хотела нас узнавать.

– Всемила... Сестра... Где ты была все это время? – спросила я, но она молчала в ответ.

А потом из вороха тряпья раздался слабый писк. Я подошла ближе – в рваные тряпицы был завернут живой ребенок, бледный и жалкий, с ярко-рыжим вихром над бледным личиком.

Всемила умирала. Отец запретил Ждане помогать и лечить ее. Но обратно в лес все же не прогнал, пожалел.

Коварный женский недуг быстро съедал сестру изнутри. Никакие лечебные травы и заговоры старой знахарки, сжалившейся над ней, не имели силы в борьбе с подступающей смертью.

Всемила сильно страдала. Не знаю, что мучило ее больше: физическая или душевная боль. Забываясь тяжелым сном, она то и дело звала Григория...

Нам после своего возвращения она не сказала ни слова, ни на кого не смотрела, не реагировала на вопросы, которые я или Ждана ей задавали. Только со своей малышкой она разговаривала шепотом на языке духов. Укачивая ее, она то и дело шептала ей что-то на ухо, отчего крошка улыбалась во сне беззубой улыбкой.

Когда Всемила могла сидеть, то держала ребенка на руках. Тогда она казалась спокойной и счастливой. Она смотрела на свое дитя и не могла насмотреться. Она знала, что жить ей осталось недолго. Каждый новый день приносил новые муки.

Отец в избушку Жданы не заходил и приказал старухе молчать о Всемиле. Мне он задал только один вопрос:

– От чужака?

Я опустила голову и призналась во всем. Меня выпороли розгами, и месяц после этого я сидела на хлебе и воде. Но в сложившихся обстоятельствах и так кусок в горло не лез.

Дальше стало еще хуже: отец решил, что после смерти Всемилы ребенка следует отнести в лес и оставить его там на суд Святобора, бога-отца всех лесов.

Я ползала на коленях и молила у него разрешения не губить невинную жизнь, просила отдать младенца Григорию. Отец долго сопротивлялся но потом сжалился надо мной. Он любил нас, своих дочерей, всей душой. Но не мог ради нас отступить от законов Общины и своей совести. То, что мы посмели послушаться их, делало его глубоко несчастным.

Отец разрешил мне связаться с Григорием. Я достала припрятанный адрес, написала письмо и стала ждать...

Каждый день я шла к Ждане якобы учиться знахарскому ремеслу, но на самом деле целыми днями сидела возле сестры и нянчилась с малышкой. Девочка окрепла, щечки ее немного округлились. Ждана кормила ее теплым козьим молоком, кутала в мягкие пеленки.

– Это необычный ребенок, Всемира, – как-то сказала мне Ждана, когда Всемила спала, – я вижу на ней печать духов. Нельзя ее отдавать из Общины.

Но отец не поверил словам Жданы. Даже слушать ее не стал, думал, что мы его обманываем для того, чтобы оставить девочку у себя. Он был непреклонен насчет малышки. Даже великие люди ошибаются, попадая под власть чувств и переставая слушать свой разум. Мой отец тоже ошибся...

Перед смертью Всемила попросила меня:

– Сбереги мое дитя, Всемира.

Я долго молчала, перед тем, как ответить ей.

– Отец не может оставить ее в Общине, но я написала письмо Григорию.

Из глаз Всемилы покатались крупные слезы.

– Ее место здесь, сестра. Ты должна оставить ее с собой. Не отдавай ее Григорию. Он оставил меня, оставит и ее... – сестра тяжело дышала, каждое слово давалось ей с трудом, – Ей будет сложно среди чужих людей, в чужом мире. Она запутается, заблудится... Пусть живет здесь, с тобой. Она особенная, ей передалась моя сила...

Я промолчала. Могла ли я соврать ей в этот момент, когда на ее лице уже лежала тень смерти?

– Я не могу в очередной раз, по твоей прихоти, идти против воли отца, Всемила. Но я сделаю для твоего ребенка все, что смогу. Обещаю.

Слезы текли и текли из некогда зеленых глаз Всемилы. Сейчас они казались бесцветными, потухшими от долгих страданий.

– Как же мне оставить ее, Всемира? Как же мне теперь оставить мою девочку одну, если она никому не нужна? Она заблудится там. Заблудится... – она вдруг начала задыхаться, лицо стало мертвенно белым.

Я подскочила к ней, взяла ее холодную ладонь и прижала к своему мокрому от слез лицу.

– Ассира... Имя ей Ассира...

Это были ее последние слова. Она произнесла их тихо, спокойно, покорно отпуская от себя все земные муки и страдания. Потом дыхание ее остановилось, и остановилась жизнь, которая когда-то была ключом.

А для меня словно остановилось время. И все заполнила бесконечно черная пустота. Я заплакала, и заплакал младенец в люльке. Девочка с волосами цвета солнца. Маленькая Ассира.

Григорий приехал за дочкой через два месяца. Он казался старше и серьезнее, возможно, потому что сильно похудел и отрастил за это время густую бороду.

Мы встретились с ним в Агеево, куда я ночью тайно принесла Ассиру. Мы до сих пор скрывали ее у знахарки, делать это было все труднее и труднее. Я рассказала ему о Всемиле, после чего Григорий взял малышку на руки, нежно посмотрел на нее и сказал, что девочка будет расти в его семье.

Григорий рассказал, что женился, и жена тоже не так давно родила ему дочь. Мне стало горько от этой новости. Пока Всемила страдала и мучилась, вынашивая его ребенка, рожая его в землянке посреди леса, перегрызая пуповину зубами и заворачивая истощенно кричащего младенца в кусок старого тряпья, снятого с себя, Григорий жил в удобстве с другой женщиной и строил семью, рисовал портреты и гулял по городским улицам. Вспоминал ли он тогда о Всемиле?

– Моя жена – хорошая женщина. Мы вырастим малышку, как родную. Всё будет хорошо, не переживай, Всемира. Мы не из тех, кто боится трудностей. Тем более, это моя родная дочь. Я сомневался в этом, когда ехал сюда. Разные мысли лезли в голову... Но теперь я вижу, что она моя. Даже чувствую это.

Он широко улыбнулся, но я не разделяла его радости. После всего, что произошло, мне казалось, что я никогда уже не смогу смеяться и радоваться. Вся моя жизнь приобрела сдержанно-серый оттенок. Я сухо ответила ему:

– Это не обычный ребенок, Григорий. Будь готов к тому, что девочке суждено будет вернуться назад, в Общину, когда придет время.

Он странно посмотрел на меня, но ничего не ответил. Я не придавала этому особого значения, потому что едва сдерживала слезы. Я боялась признаться себе, что расставание с маленькой Ассирой делало меня глубоко несчастной.

За два месяца ожидания я сильно привязалась к малышке, ее улыбка была так похожа на улыбку сестры, что у меня все внутри сжималось, когда я смотрела на нее в последний раз. Я будто бы отрывала в тот момент от себя целый кусок плоти, так было больно...

Перед тем, как уйти, я сказала Григорию:

– Ее имя на языке наших духов означает “сильная”.

После этих слов тетя Всемира внезапно замолчала. За окнами стояла глубокая ночь. Мороз сегодня был лютый, маленькие окна покрывал лёд.

Элементы огромного пазла складывались в моей голове в единую картинку, но я боялась посмотреть на нее целиком. Всё, что я сейчас услышала, казалось невероятным, неправдоподобным, выдуманым. Но слишком много совпадений я нашла в этой истории и в своей жизни.

Всемира приложила белый вышитый платок к глазам и прошептала:

– Тогда я видела тебя в последний раз, Ассира. Тебе было около полугода.

Потом она повернулась ко мне, сидящей неподвижно, и снова крепко обняла меня. Я чувствовала, как ее тело сотрясают рыдания и не знала, что мне ответить. Вытерев слезы, я молча обняла ее.

– Сейчас ты все знаешь. Не отказывайся от своей судьбы, как это сделала твоя мать. Бегство от судьбы не заканчивается ничем хорошим.

Я сидела молча, смотрела на тетю и не имела ни малейшего представления о том, что меня ждет впереди, о какой такой судьбе она говорит.

– Какой же должна быть моя судьба? – тихо спросила я.

– Ты должна стать Пророчицей Общины и родить наследницу. Впереди тебя ждет множество трудностей: ты должна будешь обучиться всему, что знаю я. Но я вижу в тебе силу и верю, что ты справишься.

– А если я захочу уйти? Вернуться в город, в свой привычный мир? – я посмотрела в окно, мне стало страшно и беспокойно от слов Всемиры.

– Ты уже не уйдешь отсюда, Ассира. Не сможешь. Духи не отпустят тебя из родных лесов.

Я лежала на узкой кровати и не могла уснуть, смотрела в темноту. Жизнь моя, словно непокорная речка, так случайно и неожиданно сменила русло.

Но бывают ли в жизни случайности?...

Ассира... Оказывается, Ассира – это я. Оказывается, во мне живет неведомая сила, доставшаяся мне от моей матери. И моя истинная жизнь так долго ждала меня в глухих лесах, среди людей, которые пока что кажутся мне странными и чужими.

Смогу ли я найти здесь себя?

Смогу ли стать такой, как моя мама?

Не знаю.

Но я попробую. Ведь Ассира на языке лесных духов означает "сильная"...

Часть II. Жена старейшины.

Я сидела напротив деревянного комода и смотрела на свое отражение в старинном зеркале: лицо было красным и распаренным.

После жаркой бани меня заставили облиться ледяной водой.

Марьяна, помощница моей тети Всемиры, молоденькая девушка со светлой косой, сказала, что вода эта целебная, набрана из незамерзающего источника. Я недоверчиво улыбнулась ей в ответ, но после того, как меня обожгли тысячи ледяных кнутов, я, действительно, почувствовала необычайный прилив сил и энергии.

– Ты еще ничего не знаешь про Озеро Жизни! Его воды живого человека могут убить, а мертвого – оживить.

– Как же обычная озерная вода может убить или оживить? – я в очередной раз недоверчиво посмотрела на Марьяну.

– Вода в том озере необычная, в ней живет великая сила духов, – Марьяна понизила голос и продолжила рассказывать, – Что случись – Всемира сразу же с ведром бежит к Озеру Жизни или просит нести страдающего прямо туда. Но Озеро не всех исцеляет, лишь избранных... Прошлым летом на охоте медведь задрал насмерть молодого парня, его брат кинулся ему на помощь, медведя одолел, но сам сильно пострадал. Так вот, Озеро исцелило лишь одного. Старший брат умер, а страшные раны младшего на глазах затянулись, лишь шрам на щеке остался.

Марьяна грустно вздохнула, замолчала и продолжила аккуратно расчесывать мои спутанные рыжие кудри.

Я жила в Общине уже неделю, и почти все время проводила с Марьяной. Сначала девушка относилась ко мне холодно и недоверчиво, но, когда узнала о том, что я остаюсь в Общине, стала разговаривать со мной гораздо дружелюбнее, а потом и вовсе начала ухаживать за мной, как за родной сестрой. И я сразу же прониклась к ней взаимной симпатией.

– Ты словно дочь Ярилы, Ассира. Ни у одной девушки в Общине нет таких волос, как у тебя, – восхищенно произнесла как-то вечером Марьяна, сидя возле меня и перебирая мои рыжие пряди.

– Отец называл мои волосы “золотом”. Но почти всех детей, с которыми я росла в городе, раздражал их цвет. Один раз меня даже побили из-за волос, хотели заставить обрезать их. Но не смогли, я хорошо дерусь.

– Ты умеешь драться? – проговорила девушка, от удивления растягивая слова.

– Хочешь, научу тебя? – сказала я и тут же засмеялась, увидев испуг на лице Марьяны.

Она с минуту помолчала, но потом любопытство вновь заставило ее заговорить:

– Вот ты приехала к нам из города, а меня пугает даже одно это слово – город. Такое оно грубое, холодное...

– Ты очень точно описала городскую атмосферу, Марьяна! – улыбнулась я, – Город, на самом деле, бывает груб и холоден. Но к этому можно привыкнуть. Человек ко всему привыкает.

– А к Общине ты уже привыкла? – тихо спросила девушка, с любопытством заглянув мне в глаза.

Я взяла с тумбы гребень и стала задумчиво расчесывать волосы.

– Нет, не привыкла. Тебя пугает город, а меня пугает Община. До сих пор не могу поверить в то, что я решила остаться здесь. Как будто в прошлый век попала, оказавшись в вашем поселении. А когда увидела тебя в сарафане, то и вовсе подумала, что сошла с ума, и мне все это кажется.

Мы с Марьяной улыбнулись друг другу.

– Тебе понравится здесь, Ассира. Мы живем просто – по велению сердца, соблюдая тот путь, что выбрали нам духи, ведь духи не ошибаются. Когда человека ведут духи, он спокоен, – уверенно сказала Марьяна, перебив меня.

Я посмотрела в заледеневшее окно, на улице снова поднималась метель. Меня переполняло чувство волнения от того, что со мной сейчас происходит. Но тепло избы и доброта Марьяны и тети Всемиры согревали мое одинокое сердце, которое так сильно замерзло и зачерствело в городе...

Прошла еще пара недель. Я запуталась в днях, которые пролетали здесь незаметно. Всемира часто повторяла мне:

– Успокойся Ассира, прими все происходящее. В тебе пока что слишком много того, что ты должна отпустить из своего сердца. Много тяжести, которую ты носишь с собой. Избавься от нее и от всего чужого, напускного. А уже после этого ты узнаешь, какой путь избрали для тебя духи. Всему свое время. Запомни это на всю жизнь. Когда ты поймешь, что твоя душа пуста и свободна от груза ошибок и разочарования, то получишь ответы на свои вопросы.

Мне, и вправду, с каждым днем становилось спокойнее. Я прекрасно себя чувствовала, физическая работа ничуть меня не утомляла. У меня улучшился цвет лица, исчезли тени под глазами, а щеки засияли румянцем. Из тела ушла слабость и вялость, я была полна сил и энергии. Груз, который я носила на душе, становился легче, как будто таял с каждым днем.

В городе я оставила свою пустую, бессмысленную жизнь и разбитые отношения. Когда я ехала сюда, то, в глубине души, надеялась, что немного развеюсь, а когда вернусь в город, то смогу все исправить, и, возможно, верну мужчину, которого сильно любила.

Но здесь все отошло на задний план, я думала об этом, как о чем-то давно минувшем, и с каждым днем моя душа все больше освобождалась от тех былых проблем.

“Будь, что будет. Если бы я сейчас была там, это ничего бы не изменило. Наоборот, я, скорее всего, сошла бы с ума от самокопания. Нужно считать это отпуском от земных проблем. Здесь легко, сказочно, красиво,” – так думала я каждый раз перед сном, глядя в маленькое оконце на звезды в черном небе, после чего крепко засыпала.

Я общалась преимущественно с Марьяной, которая учила меня готовить еду на очаге, ухаживать за скотом, соблюдать здешний распорядок жизни. Мы обошли с ней всю Общину и ежедневно ходили на капище. Марьяна рассказывала мне о богах, которым поклонялись люди, живущие в Общине, а также о духах, которые живут повсюду: в лесу, в реках и озерах, в доме.

У Всемиры было большое хозяйство: свиньи, козы, куры и корова. Я с большим удовольствием заходила в теплый хлев, где пахло сеном и навозом. Животные слушали мой голос, клали головы на мою теплую ладонь, смотрели умными глазами. Я кормила их, чистила стойла, относила навоз на задворки. Марьяна удивлялась моему трудолюбию и говорила, что я работаю так, как будто родилась и выросла здесь, в Общине, а не в городе, где лишь дома и машины.

Черный пес Всемиры, у которого, как выяснилось, даже имени не было, особенно уважал меня. У нас с ним сложились душевные отношения. Он ходил за мной по двору по пятам. Если мы с Марьяной отправлялись в лес за дровами, он тоже шел и лаял на прохожих, охраняя нас. Я обнимала его перед тем, как уйти в дом. А с утра первым делом выходила с полной миской еды для него.

Как-то в лесу мы с Марьяной встретили толпу молодых парней-лесорубов, возвращающихся из леса в Общину с повозками дров. Среди них был и мой знакомый Добромир – улыбающийся парень с добрым взглядом.

С Добромиром мы познакомились, когда я добиралась из соседней деревни Агеево до Общины. Деревенский мужик высадил меня из саней посреди леса, сказав, что дальше ему ехать нельзя. Поэтому мне пришлось идти пешком по лесу. Добромир тогда появился между деревьями, как прекрасный принц на коне, усадил меня, замерзшую и уставшую, рядом с собой и довез до дома тети Всемиры.

Сейчас я сразу узнала его, улыбнулась и помахала рукой. Он подошел к нам и помог уложить дрова в сани. Марьяна села править, а мы не спеша пошли за санями.

– Что же ты не попросила меня помочь, Ассира? – спросил Добромир, заглядывая мне в глаза.

– А откуда ты знаешь, что я Ассира? – удивленно спросила я.

– Так все уже знают. Вся Община судачит о том, что дочь Всемилы вернулась в родные земли.

Я помолчала, не зная, что сказать ему на это. Потом махнула рукой на сани:

– С дровами мы с Марьяной и сами управились, ничего сложного. Но спасибо тебе за доброту! – ответила я.

– Надолго ты к нам пришла? – Добромир внимательно смотрел на меня, и мне льстило его внимание.

– Пока не знаю, – я повернулась к нему, улыбнулась и стряхнула снег с его меховой шапки. Он вздрогнул, отшатнулся в сторону, как будто испугался меня.

На щеке у него был большой шрам, тогда, в лесу, я даже содрогнулась от его вида, но сейчас он меня уже не пугал. Я видела лишь то, что глаза у парня голубые-голубые, как летнее небо. Он смотрел на меня серьезно и внимательно. Я вспомнила, как добр он был ко мне в пути, и мне захотелось как-то отблагодарить его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.